

Проблемы соответствия антикоррупционного законодательства Российской Федерации международным стандартам*

Д. А. Липинский, А. А. Мусаткина

Тольяттинский государственный университет,
Российская Федерация, 445020, г. Тольятти, ул. Белорусская, 14

Для цитирования: Липинский, Дмитрий А., Мусаткина, Александра А. 2019. «Проблемы соответствия антикоррупционного законодательства Российской Федерации международным стандартам». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Право* 4: 673–690.
<https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.404>

В статье анализируется исполнение Российской Федерацией Конвенции ООН против коррупции, а также иных международных нормативных правовых актов. Показывается как положительная динамика в российском законодательстве, указывающая на имплементацию норм международного права, так и неисполнение либо формальное исполнение требований международных антикоррупционных стандартов. Освещен мировой опыт борьбы с коррупцией, в частности нормы, закрепленные в Конвенции Совета Европы «О гражданско-правовой ответственности за коррупцию». Исследуется законодательный опыт борьбы с коррупцией при помощи гражданско-правовых средств в зарубежных странах. Нормы гражданского права России сопоставляются с нормами международного права и гражданского законодательства других стран. Особое внимание уделяется гражданско-правовой конфискации как мере ответственности за коррупционные правонарушения. Отмечается недооценка гражданско-правовых средств в предупреждении коррупционных преступлений, основанная в числе прочего на том, что комплексному и системному характеру коррупции должны противопоставляться меры, предусмотренные различными отраслями права, в частности гражданским. Показано несоответствие норм гражданского права России современному мировому опыту борьбы с коррупцией. Предлагаются рекомендации, направленные на совершенствование мер борьбы с коррупцией. В целях соблюдения международных стандартов России необходимо сократить перечень должностных лиц, обладающих иммунитетами от уголовного и административного преследования, а также уменьшить сам объем указанных иммунитетов; присоединиться к Европейской конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию и ратифицировать ее; предусмотреть реальные, а не формальные механизмы конфискации имущества государственных служащих, которое не соответствует их задекларированным доходам; дополнить Гражданский кодекс РФ нормами, адаптированными к современным реалиям коррупционных правонарушений.

Ключевые слова: коррупция, мировой правопорядок, международные антикоррупционные стандарты, права человека, коррупционный кризис, антикоррупционное законодательство, коррупционные правонарушения.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00103 А «Юридическая ответственность в правовой системе России: концепция взаимодействия, взаимосвязей и устранения противоречий с иными элементами правовой системы».

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

1. Введение

Коррупция давно перестала быть внутригосударственным явлением и приобрела межгосударственный характер, что обусловлено процессами глобализации, которые, к сожалению, имеют обратную сторону: развитие транснациональной организованной преступности; подкуп как внутригосударственных, так и международных должностных лиц; проникновение организованной преступности не только во внутригосударственный, но и в международный механизм регулирования общественных отношений. Высокий уровень коррупции подрывает авторитет страны на международной арене, повышает риски при заключении с ней как частных, так и публичных международных договоров. Террористические организации, подкупая должностных лиц государства, стремятся приобрести оружие, в том числе массового поражения, и технологии для его создания, что создает угрозу миру и безопасности человечества.

Коррупция внутригосударственных и международных должностных лиц препятствует свободе рынка, честной конкуренции и ограничению монополистической деятельности. Наиболее опасная часть коррупции — элитарная, транснациональная и политическая — не существует в виде обычной передачи денег или иного имущества непосредственно должностному лицу. Она маскируется под различного рода сделки, предоставление выгод и преимуществ должностным лицам, часто сопровождается совершением банковских операций, которые, в свою очередь, направлены на придание законного статуса получаемым вознаграждениям. В совершение коррупционных сделок вовлекаются внутригосударственные и международные организации. Коррупция — явление масштабное, системное, в нем задействованы различные государственные структуры, частный сектор, негосударственные организации. Если ранее отмечалось, что коррупция «разъедает» государственный механизм, то в настоящее время можно говорить о ее негативном влиянии на международный правопорядок, а также на целые группы стран, большая часть населения которых находится за чертой бедности, обусловленной в числе прочего срастанием государственного аппарата с организованной преступностью.

Международное сообщество осознало опасность коррупции и приняло ряд основополагающих конвенций, соглашений и иных актов, направленных на борьбу с ней. Прежде всего следует назвать «Глобальную программу против коррупции», которая была предложена в июне 2001 г. научно-исследовательским институтом ООН для обсуждения государствам — участникам ООН (Annex I of Global Programme against Corruption. Дата обращения 10 декабря, 2018. <http://www.unicri.it/Prododoc%20corruption.htm>). Коррупция стала объектом изучения различных международных центров и организаций. В частности, ее исследуют МВФ, Всемирный банк, Международная торговая палата, просчитывая риски совершения тех или иных операций и сделок. Контроль и уровень коррупции — параметры, на основе которых Всемирный банк дает оценку того или иного государства (Hostetler 2011; Gathii 2009).

Международные исследовательские центры анализируют, как имплементируются нормы международного права в национальное законодательство. С 9 декабря 2004 г. международное сообщество ежегодно отмечает Всемирный день борьбы с коррупцией, провозглашенный Генеральной Ассамблеей ООН (резолюция

от 21.11.2003 № A/RES/58/4). Примечательно, что сразу за данным днем следует День прав человека; это ставит борьбу с коррупцией на один уровень с борьбой за права человека, так как сложно говорить об их реализации при коррумпированности чиновников, на которых возложена обязанность по соблюдению и защите прав и свобод (Wouters, Ryngaert, Cloots 2012). Официальное издание Конвенции ООН против коррупции (принята в Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-м пленарном заседании 58-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН) содержит предисловие, где коррупция рассматривается как фактор, подрывающий верховенство права, права человека, ухудшающий качество жизни. Коррупция названа источником воспроизводства организованной преступности, терроризма и бедности населения (Аннан 2004). Опасность данного явления для мирового сообщества вполне ясно и недвусмысленно выражена также в Преамбуле к указанной Конвенции, где отмечается, что коррупция затрагивает экономику всех государств, она связана с организованной и экономической преступностью, отмыванием денежных средств; государства — участники Конвенции обеспокоены случаями коррупции с вовлечением больших объемов активов, которые могут составлять значительную долю ресурсов государств, и угрожающими политической стабильности и устойчивому развитию этих государств.

Институты мирового гражданского общества проводят исследования в данной области. Так, в 1993 г. создана неправительственная международная организация *Transparency International* по исследованию коррупции (ее представительство есть и в России); согласно ее информации, по уровню коррупции Россия находится в одном ряду с Гайаной, Сьерра-Леоне и Азербайджаном. Индекс коррупции, составляемый *Transparency International*, сложно подтвердить или опровергнуть, тем не менее он может создавать негативное представление о стране в мировом сообществе.

От уровня коррупции зависят стабильность в стране, ее инвестиционная привлекательность, а следовательно, и благосостояние населения. По оценкам *Transparency International*, теневая сторона российской экономики составляет примерно 300 млрд долларов ежегодно¹. С коррупцией, в том числе транснациональной, сложно бороться только внутригосударственными и межгосударственными мерами, так как и международные чиновники нередко вовлечены в совершение коррупционных преступлений. Необходимы скоординированные действия с привлечением институтов гражданского мирового сообщества (Argando 2006, 273). Указанная выше глобальная программа против коррупции определила новый вектор в развитии международного права. В частности, принят ряд основополагающих конвенций, причем ряд положений, направленных на борьбу с коррупцией, закреплен еще в Конвенции ООН 2000 г. «Против транснациональной организованной преступности» (Богуш 2006), что обусловлено диалектической связью организованной преступности и коррупции.

Российская Федерация ратифицировала Конвенцию ООН против коррупции в 2006 г. (Федеральный закон от 08.03.2006 № 40-ФЗ «О ратификации Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции»). Здесь и далее все ссылки на российские и международные нормативные правовые акты приводятся

¹ Официальный сайт *Transparency International*. Дата обращения 10 декабря, 2018. <https://www.transparency.org>.

по СПС «КонсультантПлюс». Дата обращения 18 декабря, 2018. <http://www.consultant.ru>). Указанной Конвенции предшествовало принятие международных актов регионального характера, в том числе Конвенции Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию от 27.01.1999, ратифицированной Российской Федерацией Федеральным законом от 25.06.2006 № 125-ФЗ «О ратификации Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию». Другой важный документ — Европейская конвенция о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, подписанная 04.11.1999 и вступившая в силу 01.11.2003. Россия не является страной — участницей данной Конвенции, и, соответственно, не вставал вопрос о ее ратификации, а Республика Беларусь ратифицировала указанную Конвенцию 26.12.2005, так же как и другие страны Содружества Независимых Государств (Казахстан, Киргизия, Узбекистан). Россия, не являясь членом международной Организации экономического сотрудничества и развития, присоединилась в 2012 г. к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при заключении международных коммерческих сделок (Федеральный закон от 01.02.2012 № 3-ФЗ «О присоединении Российской Федерации к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок»).

В настоящей статье мы не ставим цель проанализировать все без исключения международные антикоррупционные нормативные правовые акты. Во-первых, мы акцентируем внимание на положительных изменениях в российском законодательстве, обусловленных исполнением международных обязательств в сфере противодействия коррупции. Во-вторых, мы стараемся выявить неисполнение международных обязательств, а также их формальное исполнение, когда вводимые антикоррупционные нормы не обеспечены реальными механизмами реализации.

2. Основное исследование

2.1. Изменения в законодательстве России, обусловленные международными конвенциями, направленными на противодействие коррупции. Прежде чем переходить к отрицательным моментам, необходимо остановиться на ряде позитивных явлений, связанных с ратификацией Конвенции ООН против коррупции. Так, в 2008 г. вступил в силу базовый для борьбы с коррупцией Федеральный закон от 25.12.2008 № 272-ФЗ «О противодействии коррупции», принятие которого по различным причинам откладывалось в течение 10 лет. Необходимость принятия закона вызывалась как сложившейся в России криминогенной обстановкой, так и ее международными обязательствами. Если обратиться к истории данного вопроса, то самый первый проект закона «О борьбе с коррупцией» был подан на рассмотрение в законодательный орган Российской Федерации еще в 1998 г. президентом Б.Ельциным. Такой длительный период принятия законопроекта говорит о том, что государственная власть и ее представители (государственные служащие) не желали ограничивать сами себя. Ведь нормативный акт предусматривал ряд запретов и обязанностей для государственных и муниципальных служащих, их ответственность за совершение коррупционных правонарушений. Мы специально указали, что данный закон выступал базовым для регламентации общественных отношений в сфере борьбы с коррупцией. Во многом он носил рамочный характер и предполагал внесение системных изменений в другие нормативные правовые

акты, что и произошло после его принятия. Так, антикоррупционные нормы были введены в ряд нормативных правовых актов, регламентирующих прохождение различных видов государственной службы (федеральные законы от 27.07.2004 № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации», от 02.03.2007 № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» и др.). Отдельно был принят Федеральный закон от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов». Другим шагом в данном направлении стало принятие Федерального закона от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд», которым предусмотрена более открытая и прозрачная система государственных и муниципальных закупок.

Российский законодатель начал выполнять требования, обусловленные международными обязательствами. Была проведена ревизия уголовного законодательства, которая затронула прежде всего гл. 30 «Преступления против государственной власти, интересов государственной службы и службы в органах местного самоуправления» Уголовного кодекса РФ от 13.06.1996 № 63-ФЗ (далее — УК РФ). Так, изменился круг лиц, на которых она распространяет свое действие. В частности, субъектами уголовной ответственности за получение взятки и иные коррупционные преступления стали лица, выполняющие организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в государственных и муниципальных учреждениях, государственных корпорациях, государственных компаниях, а также в акционерных обществах, контрольный пакет акций которых принадлежит Российской Федерации, ее субъектам или муниципальным образованиям. Международные обязательства России привели к тому, что субъектами получения взятки стали считаться иностранные должностные лица и иностранные должностные лица публичной международной организации.

Еще до ратификации Конвенции ООН против коррупции российский законодатель в Кодексе РФ об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ предусмотрел ответственность за посягательства коррупционной направленности: подкуп избирателей, участников референдума (ст. 5.16); непредставление или неопубликование отчета, сведений о поступлении и расходовании средств, выделенных на подготовку и проведение выборов, референдума (ст. 5.17); незаконное использование денежных средств при финансировании избирательной кампании (ст. 5.18); использование незаконной материальной поддержки при финансировании избирательной кампании, кампании референдума (ст. 5.19) и др.

Положительным аспектом указанного процесса стала открытость России для институтов мирового гражданского общества в деле борьбы с коррупцией. Так, с 1999 г. функционирует российское отделение *Transparency International* в виде автономной некоммерческой организации, ее приемные центры открыты в Москве, Санкт-Петербурге, Барнауле, Владимире, Калининграде, Великом Новгороде. К направлениям деятельности данной организации относятся: формирование антикоррупционного правосознания граждан и должностных лиц; оказание юридической помощи по делам о коррупции; проведение социологических исследований; осуществление гражданского контроля; способствование открытому обсуждению законопроектов; проведение санкционированных общественных акций, направ-

ленных на предупреждение коррупции. Российский центр *Transparency International* аккредитован Министерством юстиции РФ в качестве независимого эксперта и осуществляет антикоррупционную экспертизу нормативных правовых актов.

На основании Федерального закона от 09.02.2009 № 8-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления» повысились их открытость, доступность, информативность и прозрачность. Государство стало уделять внимание независимому мониторингу сайтов различных органов власти и местного самоуправления на предмет их соответствия федеральному законодательству. Авторы данной статьи по государственному заданию (заказу), выигранному на открытом электронном аукционе, выполняли научно-исследовательские работы по теме «Мониторинг соответствия сайтов представительных органов Самарской области федеральному законодательству». Были исследованы сайты представительных органов десяти городов, двадцати районов и более двухсот сельских поселений. По шкалам оценивания сайты представительных органов соответствовали антикоррупционному законодательству от 70 до 89%. В результате исследования даны рекомендации по совершенствованию указанных органов. При повторном мониторинге соответствие варьировалось в диапазоне от 90 до 100%. В ходе мониторинга анализировалось наличие следующих данных: сведений о доходах; доступности для граждан (наличие обратной связи); сведений о проводимых аукционах, закупках; решений представительных органов; доступности нормативной правовой базы; отчетов о проведенной работе; сведений о конкурсных процедурах; текстов международных договоров и конвенций на сайтах; информации о праве граждан на обращение; возможности электронного обращения; адаптированности сайта для лиц с ограниченными возможностями (слабовидящих) и др.

2.2. Некоторые проблемы имплементации международных норм в уголовное законодательство. Помимо положительных аспектов, существуют и проблемы реализации международных конвенций. Так, любое государство — участник Конвенции может сделать оговорки или заявления о толковании. Россия сделала восемь заявлений по Конвенции ООН против коррупции, однако ни одно из них не касается ст. 20, из чего следует, что данное положение должно исполняться. В ст. 20 Конвенции ООН против коррупции указывается: «При условии соблюдения своей Конституции и основополагающих принципов своей правовой системы каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемого деяния, когда оно совершается умышленно, незаконное обогащение, т. е. значительное увеличение активов публичного должностного лица, превышающее его законные доходы, которое оно не может разумным образом обосновать». Не сделав заявления по данной статье, Российская Федерация вместе с тем не предприняла мер, которые были бы направлены на имплементацию приведенной нормы международного права. Незаконное обогащение не является уголовно наказуемым деянием. По мнению российского законодателя, препятствием имплементации выступает ст. 49 Конституции РФ, устанавливающая принцип презумпции невиновности. Однако указанная Конвенция ООН не говорит о том, что должна устанавливаться уголовная ответственность при отсутствии вины, а принцип презумпции невиновности не должен соблюдаться. Думается, что позиция российского зако-

нодателя надуманна и необоснованна. По заключению Министерства юстиции РФ, ст. 20 Конвенции реализована в Федеральном законе от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» — Российская Федерация выбрала гражданско-правовые механизмы в целях реализации данного положения Конвенции. Так, в 2012 г. в п. 8 ч. 2 ст. 235 Гражданского кодекса РФ от 30.11.1994 № 51-ФЗ была внесена поправка, предусматривающая, что в качестве основания прекращения права собственности в публичных интересах выступает решение суда об обращении в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы. Однако сам закон вызывает ряд вопросов относительно перечня лиц, на которых он распространяется. В нем употребляется понятие «государственные и муниципальные должности», но не говорится о государственных и муниципальных служащих, которые отчитываются о своих доходах и расходах только в том случае, если должность, которую они замещают, входит в один из перечней, принимаемых на различных уровнях. Данный закон не выдерживает антикоррупционной критики по ряду оснований. Во-первых, отсутствует четкая определенность перечня лиц. Во-вторых, круг родственников ограничен супругом, супругой и несовершеннолетними детьми. В России распространены пословицы: «Чем выше должность государственного служащего, тем больше родственников у него появляется» или «Количество родственников увеличивается вместе с восхождением по карьерной лестнице».

Принцип презумпции невиновности предусмотрен в конституциях различных стран, где законодательство закрепляет уголовную ответственность за незаконное обогащение, когда чиновник не может обосновать несоответствие его декларированных доходов и имущества. Д. В. Лобач и Е. А. Смирнова приводят достаточно внушительный перечень государств, уголовное законодательство которых предусматривает уголовную ответственность за незаконное обогащение, причем в ряде государств она была введена еще до принятия Конвенции ООН против коррупции (Лобач, Смирнова 2016, 802). В юридической литературе, посвященной необходимости введения уголовной ответственности за незаконное обогащение, называются как положительные, так и возможные отрицательные последствия введения такой нормы. Доводами в пользу введения такой нормы выступают: предполагаемый высокий предупредительный эффект; появление возможностей в упрощенном порядке выводить криминальные активы из теневого сектора экономики; реализация принципа неотвратимости юридической ответственности; снижение напряженности в обществе (Лобач, Смирнова 2016, 804). Субъекты законодательной инициативы пытались начать законодательный процесс, внося предложение о дополнении Уголовного кодекса РФ ст. 290.1 «Незаконное обогащение» (Проект Федерального закона № 157763-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс РФ и Уголовно-процессуальный кодекс РФ в части введения понятия незаконного обогащения и иных мер, направленных на противодействие коррупции»). На законопроект был получен официальный отзыв Верховного суда РФ № 3-ВС-9500/16, в котором приведены доводы, не позволяющие согласиться с предложением, а именно: порождение конкуренции с другими нормами; несовершенство предлагаемой конструкции состава; возможность порождения правовой неопределенности ввиду неясности

объективной стороны состава преступления. Не вдаваясь во все нюансы данного спора, отметим: в случае введения указанной нормы она должна быть сконструирована так, чтобы не порождала сложных вопросов квалификации, конкуренции норм. Предполагаемая конструкция подобной нормы должна стать предметом самостоятельного исследования. Таким образом, в настоящее время Россия стала исполнять ст. 20 Конвенции ООН против коррупции в части введения юридической ответственности за незаконное обогащение, не принимая уголовно-правовые меры, а избрав административно-правовой и гражданско-правовой способы реализации положений указанной статьи посредством внесения соответствующих изменений в ГК РФ и принятия Федерального закона от 03.12.2012 № 320-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Однако, как покажет дальнейший анализ, и с реализацией данных мер существуют большие сложности.

Страны с низким уровнем коррупции могут использовать не уголовные, а иные механизмы ответственности за незаконное обогащение. Так, в США на основании Закона об этике служащих государственных органов предусмотрена обязанность подавать ежегодные отчеты о финансовом положении. Умышленное внесение недостоверных данных представляет собой преступление и влечет наказание в виде штрафа и тюремного заключения на срок до пяти лет. Сами отчеты могут выступать в качестве косвенных доказательств, говорящих о незаконном обогащении, и являться основанием для конфискации незадекларированных доходов, имущества и иных активов. В России же умышленное искажение государственным служащим данных о доходах влечет только его увольнение.

Статья 21 Конвенции ООН против коррупции регламентирует подкуп в частном секторе: «Каждое государство-участник рассматривает возможность принятия таких законодательных и других мер, какие могут потребоваться, с тем чтобы признать в качестве уголовно наказуемых следующие деяния, когда они совершаются умышленно в ходе экономической, финансовой или коммерческой деятельности...» Далее в статье регламентируются обязанности государства по установлению ответственности должностных лиц, наделенных административно-хозяйственными, властными или организационно-распорядительными полномочиями в органах коммерческих организаций.

В России исполнение указанного положения Конвенции ООН осуществляется на основе гл. 23 УК РФ (преступления против интересов государственной службы в коммерческих и иных организациях), а также ряда других статей УК РФ, в которых использование служебного положения выступает в качестве квалифицирующего признака (например, ч. 3 ст. 159, ч. 3 ст. 159.1, п. «б» ч. 3 ст. 174 и др.) либо состав преступления предполагает использование служебного положения или полномочий в качестве основного признака. Тем не менее гл. 23 УК РФ следует называть специализированной в отношении коррупционных преступлений в частном секторе. В ней сформулировано наибольшее количество коррупционных преступлений в частном секторе, а именно: злоупотребление полномочиями; злоупотребление полномочиями при выполнении государственного оборонного заказа; злоупотребление полномочиями частными нотариусами и аудиторами; превышение полномочий частным детективом или работником частной охранной организации; коммерческий подкуп; посредничество в коммерческом подкупе; мелкий коммер-

ческий подкуп. Обращает на себя внимание резкий дисбаланс между санкциями, которые установлены за аналогичные преступления в публичном секторе, и санкциями, которые закреплены в гл. 23. Так, даже за квалифицированные виды преступлений максимальное наказание предусмотрено на срок до трех лет лишения свободы, при этом имеются альтернативы наказанию в виде штрафа. Кроме того, за данные виды преступлений уголовное дело возбуждается по заявлению организации, которой причинен вред, т. е. отсутствует императивность в возбуждении уголовных дел. С одной стороны, отсутствие императивности не противоречит Конституции РФ, и данный порядок предусмотрен Уголовно-процессуальным кодексом РФ, с другой — в условиях увеличения количества коррупционных преступлений, возможно, следует пересмотреть соотношение императивных и диспозитивных начал в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве. Полагаем, в данном случае имеет место формальное соблюдение положений Конвенции ООН против коррупции.

Как мы уже указывали, Россия является страной — участницей Европейской конвенции об уголовной ответственности за коррупцию, которой предусмотрено, что мониторинг осуществляется Группой государств против коррупции (*groupe d'États contre la corruption, GRECO*; далее — ГРЕКО). Результаты данного мониторинга показывают, что Россия не переквалифицировала коррупционные деяния в разряд преступлений. Отсутствует полный запрет дарения (подарков) чиновникам органов государственного управления. В мониторинге отмечается, что многие иммунитеты государственных служащих необоснованны и чрезмерны по объему (Объединенные первый и второй раунды оценки. Greco RC-I/II (2010) 2E. Дополнение к докладу о выполнении Российской Федерацией рекомендаций ГРЕКО. Принято на 58-м Пленарном заседании 7 декабря 2012 г. Опубликовано в Российской Федерации 15 марта 2013 г. Дата обращения 20 декабря, 2019. <http://genproc.gov.ru/anticor/doks/greco071212.pdf>).

2.3. Проблемы реализации гражданско-правовых мер борьбы с коррупцией в России. За прошедшие 18 лет текущего столетия существенно изменились экономические и политические реалии, активно идут процессы глобализации и интеграции в различных сферах. Изменилась и коррупция, высокий уровень которой говорит о необходимости принятия комплексных мер, направленных на ее предупреждение. Коррупция отталкивает частных иностранных инвесторов, приводит к оттоку капитала из страны. В конечном счете коррумпированность государственных и муниципальных служащих влечет за собой обнищание населения страны, выступает препятствием в реализации прав и свобод человека и гражданина. На исследование коррупции и разработку мер по ее предупреждению направлены усилия ученых разных специальностей и направлений из многих стран (Shleifer, Vishny 1993; Mauro 1995, 2004; Argando 2006; Johnston 2010), так как борьба с ней требует комплексного подхода. Становится очевидным, что уголовно-правовых мер, направленных на борьбу с коррупцией, явно недостаточно. Во многом именно этим обусловлено принятие Советом Европы Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию от 04.11.1999 (ETS № 174).

В Преамбуле к Конвенции указывается, что она принимается в связи с осознанием вредных финансовых последствий коррупции для частных лиц, компаний и государств, международных институтов. Специально подчеркнуто, что го-

сударства — члены Совета Европы, другие государства и Европейское сообщество «убеждены в важности вклада гражданского права в борьбу с коррупцией, в частности, позволяя лицам, понесшим ущерб, получить справедливую компенсацию». В Преамбуле одновременно с компенсацией (т.е. типичной функцией гражданско-правовой ответственности) говорится и о борьбе (т.е. карательной функции гражданско-правовой ответственности). В настоящее время данная конвенция — единственный международный нормативный правовой акт, в котором предусмотрены меры гражданско-правовой ответственности за коррупцию. Конвенция широко признана в международном сообществе, так как подписана 40 государствами и в нее входят 25 стран-участниц. Российская Федерация к указанному международному нормативному правовому акту не присоединилась. В целом не изменилась и устойчивая традиция развития теории гражданского права, исходящая из принципиальной позиции «невмешательства» гражданских средств в дело защиты общественных интересов. Представляется, что эта ситуация не соответствует современным потребностям юридической практики и нуждается в изменении и переосмыслении. Прежде чем рассматривать различные особенности потенциальной имплементации положений Конвенции в российское законодательство (в случае, если Россия присоединится к Конвенции и она будет ратифицирована), необходимо остановиться на особенностях данного международно-правового акта.

В отличие от Конвенции ООН против коррупции, в рассматриваемой Конвенции дается официальное определение коррупции: «Для целей настоящей Конвенции “коррупция” означает просьбу, предложение, дачу или принятие, прямо или косвенно, взятки или любого другого ненадлежащего преимущества или обещания такового, которые искажают нормальное выполнение любой обязанности, или поведение, требуемое от получателя взятки, ненадлежащего преимущества или обещания такового» (ст. 2). Конвенция обязывает предусмотреть в национальном законодательстве нормы, закрепляющие право лиц, понесших ущерб в результате коррупции, подать иск с целью полного возмещения вреда. Возмещение может охватывать нанесенный материальный ущерб, упущенную финансовую выгоду и нематериальный вред (ст. 3). В ст. 4 определены типичные условия гражданско-правовой ответственности: наличие акта коррупции (или его санкционирование); наступление ущерба для истца; существование причинно-следственной связи между актом коррупции и нанесенным ущербом (ст. 4). Особо обращает на себя внимание ст. 5, в которой закреплена обязанность государства предусмотреть процедуры, позволяющие лицам, понесшим ущерб от акта коррупции, совершенного публичными лицами, требовать возмещения от государства причиненного ущерба. Кроме того, Конвенцией регламентируются сроки исковой давности, юридическая сила контрактов, защита служащих, отчеты и аудит, получение доказательств. Второй раздел Конвенции посвящен международному сотрудничеству и контролю за выполнением ее норм. Завершается она заключительными положениями. Особенность Конвенции состоит в отсутствии возможности у государств-участников сделать какие-либо оговорки или заявления о толковании, т.е. в случае присоединения к Конвенции и ее ратификации она подлежит исполнению государством в полном объеме.

Если обратиться к ст. 5 Конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию, несмотря на то что она не ратифицирована Российской Федерацией,

существующий механизм позволяет предъявлять иски к государству в лице соответствующих органов государственной власти, а к конкретному должностному лицу впоследствии возникают регрессные требования. Однако модели коррупционных правонарушений и причиненного вреда разнообразны. Так, в результате коррупционного правонарушения (дачи взятки), совершенного должностным лицом организации (не являющейся публичной), вред может быть причинен как самой организации, так и третьим лицам. Не исключены ситуации, когда физическим лицом в результате дачи взятки причиняется вред органу государственной власти. Остается неразрешенной и проблема возмещения репутационного вреда, причиненного государственному органу. Нельзя категорически утверждать, что в России полностью отсутствуют гражданско-правовые механизмы ответственности за коррупционные правонарушения, но они не адаптированы именно под особенности коррупционных деяний.

Обратимся к законодательному опыту различных государств, реализующих гражданско-правовые меры борьбы с коррупцией. Так, в исследовании Е. Бюргера и М. Холланда отмечается, что гражданский иск выступает в качестве дополнения к уголовному преследованию (Burger, Holland 2006, 63). В теории противодействия коррупции указывается на необходимость вовлечения в дело борьбы с коррупцией правовых средств с различной отраслевой принадлежностью (Takoff 2009, 195). В данном направлении развивается и законодательство зарубежных стран.

Так, в ст. 2043 Гражданского кодекса Италии закреплено право потерпевших от коррупционных преступлений на получение компенсации. Итальянский законодатель исходит из того, что коррупционное преступление влечет возникновение деликтной ответственности, и закрепляет право потерпевшего на получение денежной компенсации за причиненный вред, включая упущенную выгоду (Mariani 2013).

В США сформулирован ряд прецедентов, согласно которым привлечение к уголовной ответственности за коррупционное преступление только усиливает право потерпевшего подать в гражданско-правовом порядке иск о возмещении вреда (Makinwa 2012). Кроме того, механизмы гражданско-правовой конфискации в США действуют в отношении любого имущества, полученного преступным путем, а также производных от данного имущества доходов. Самый известный нормативный правовой акт (принятый задолго до основополагающих международных конвенций, в 1970 г.) — Закон о коррумпированных и находящихся под влиянием рэкетиров организациях, который более известен под названием «Закон RICO».

Гражданско-правовые механизмы возмещения вреда от коррупционных правонарушений закреплены в Законе Республики Беларусь от 15.07.2015 № 305-3 «О борьбе с коррупцией» (Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. Дата обращения 10 января, 2019. http://www.pravo.by/upload/docs/op/H11500305_1437598800.pdf). В Германии гражданско-правовая ответственность юридических лиц за коррупционное правонарушение предусмотрена ст. 31 и 278 Гражданского кодекса, которые применяются, когда ущерб причинен в результате действия физического лица, занимающего руководящую должность в соответствующей компании. Кроме того, гражданско-правовая ответственность также реализуется в случаях, если доверенное лицо использует свое служебное положение в компании для извлечения личной выгоды (ГРЕКО, Доклад по Германии

по результатам второго раунда оценки (*Second Evaluation Round Report on Germany*), июль 2005 г., п. 56. Дата обращения 12 декабря, 2018. www.coe.int).

Национальное законодательство европейских стран использует конфискацию *in rem*, которая осуществляется в гражданско-правовом порядке. В ее основе находится изъятие денег, имущества, ценных бумаг обвиняемого в коррупционном преступлении при условии, что «их размеры не соответствуют законным источникам доходов этого лица и имеются обоснованные подозрения, что оно нажито преступным путем, в частности за счет коррупции. Введение такого правового института предполагает возложение бремени доказывания законности происхождения имущества на заинтересованное лицо» (Объединенные первый и второй раунды оценки по вопросам коррупции и борьбы с ней. Доклад об итогах оценки по Российской Федерации. Утвержден ГРЕКО на 40-м пленарном заседании (Страсбург, 01–05.12.2008). Пер. с англ. Саратовский Центр по исследованию проблем организованной преступности и коррупции. С. 89. Дата обращения 11 марта, 2018. http://sartraccs.ru/i.php?oper=read_file&filename=Pub_inter/greco.htm). Мировая практика гражданско-правовой конфискации показывает, что не требуется уголовного осуждения коррупционера; кроме того, конфискация не ограничена его собственностью, а может применяться в отношении собственности третьих лиц, например супруга и близких родственников.

Опыт зарубежных государств свидетельствует о том, что гражданско-правовая конфискация — существенный фактор снижения коррупции. Так, она стала применяться в Италии с начала 1980-х гг. Гражданско-правовые механизмы позволили конфисковать у мафиозных структур свыше 10 тыс. объектов недвижимости. Размах конфискации был так широк, что в начале 2010 г. для управления данным имуществом было создано специальное агентство. На основании гражданского законодательства Норвегии расширенная конфискация предусматривает возможность изымать все имущество, если нарушитель не сможет доказать законность его происхождения, причем сама недоступность ответчика для такой конфискации (нахождение в другой стране, неизвестность местонахождения) не является основанием для неприменения конфискации (данные взяты из специальной информационной справки, которая была подготовлена по заданию Государственной думы РФ: Информационная справка. Регулирование института конфискации денежных средств и имущества, полученных преступным путем, в законодательстве Великобритании, США, ФРГ, Австрии, Швейцарии, Нидерландов и Японии и других стран. Комитет Государственной думы по безопасности и Комиссия Государственной думы по законодательному обеспечению противодействия коррупции. Июнь 2010 г. Дата обращения 10 января, 2019. <http://komitet7.km.duma.gov.ru/site.xp/050057056124051050049.html>). Российский законодатель изучает мировой опыт борьбы с коррупцией гражданско-правовыми мерами, но не торопится реализовывать его в полном объеме.

Зарубежная практика борьбы с коррупцией показывает, что ее почти невозможно минимизировать, используя лишь меры уголовно-правового характера. Нагляден в этом смысле опыт Сингапура, который в момент обретения независимости в 1965 г. считался страной с самым высоким уровнем коррупции. Однако на 2017 г. Сингапур занимает 7-е место в рейтинге государств по уровню развития коррупции, Россия — 141-е место, следом идут Гондурас — 142-е место и Гватема-

ла — 143-е (Официальный сайт *Transparency International*. Дата обращения 22 января, 2019. <https://www.transparency.org/whoweare/organisation>). В настоящее время Сингапур превратился в один из крупнейших финансово-экономических центров с многомиллиардными инвестициями. Мы уже отмечали относительную условность индекса коррупции, который составляется *Transparency International*, тем не менее его отчасти следует учитывать наряду с официальной статистикой того или иного государства при оценке эффективности антикоррупционной политики.

В Китае также применяется институт гражданско-правовой конфискации, а уголовная ответственность за незаконное обогащение введена еще до принятия Конвенции ООН против коррупции (Смирнова 2014). В докладе Московскому бюро по правам человека, посвященном в том числе практике борьбы с коррупцией в Китае, В. Римский указал: «Если, например, действия чиновника из контролирующей инстанции были неправомерны и нанесли ущерб частному бизнесу, то государство возмещает ему полный ущерб от этих действий своего чиновника, а затем взыскивает эти расходы с семьи этого чиновника в широком смысле этого слова, т. е. со всех его родственников, а семьи в Китае очень большие. Аналогично поступает государство и с чиновниками таможенной службы» (Римский 2013).

В документе «Сравнительно-правовой анализ ответственности юридических лиц (корпоративной ответственности) за преступления коррупционной направленности», подготовленном экспертом Совета Европы Георги Рупчевым в рамках совместного проекта Европейского союза и Совета Европы «Защита прав предпринимателей в Российской Федерации от коррупционных практик», отмечается необходимость комплексных мер по борьбе с коррупцией, а в качестве эффективных санкций рассматриваются гражданско-правовые и административные меры, применяемые к юридическим лицам: «В 2008 г. компания *Siemens* согласилась выплатить более 1,3 млрд долларов США властям Соединенных Штатов Америки и Европы для урегулирования обвинений в выплате в качестве взяток суммы, оцениваемой в 1,4 млрд долларов США, в целях заключения крупных контрактов на строительство объектов инфраструктуры по всему миру. Кроме того, компания выплатила 850 млн евро в качестве вознаграждения юристам и аудиторам» (Рупчев 2015).

Как показывает анализ опыта различных государств, коррупции противодействуют, сочетая меры уголовного, административного и гражданско-правового характера. Типичные гражданско-правовые санкции в виде конфискации, возмещения убытков, штрафов могут применяться как к физическим, так и к юридическим лицам. Причем гражданско-правовые последствия для физических или юридических лиц настолько существенны, что вызывают осознание невыгодности совершения коррупционных действий.

В Федеральном законе от 25.12.2008 № 272-ФЗ «О противодействии коррупции» (далее — Закон о противодействии коррупции) указано, что граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства за совершение коррупционных правонарушений несут уголовную, административную, гражданско-правовую и дисциплинарную ответственность в соответствии с законодательством РФ (ст. 13). Данная норма носит отсылочный характер, указывая, что гражданско-правовая ответственность наступает в соответствии с действующим

законодательством. Как покажет последующий анализ, эта норма во многом декларативна и не снабжена механизмами реализации.

Из указанного правового акта следует, что нормотворец должен был изменить текст ГК РФ, предусмотрев в нем реальные меры гражданско-правовой ответственности за коррупционные правонарушения. Нельзя сказать, что российский правотворческий орган не предпринял каких-либо мер по корректировке регулирования гражданско-правовой ответственности, однако он по-прежнему исходит из того, что средства цивилистического регулирования играют только вспомогательную роль в борьбе с коррупционными правонарушениями. По его мнению, нормы гражданского права должны применяться лишь subsidiarily по отношению к публично-правовым средствам. Достаточно распространена и позиция, согласно которой специальные средства гражданской ответственности за коррупционные правонарушения излишни, так как гражданский иск может быть заявлен в рамках уголовного производства по делу.

Думается, что гражданско-правовая ответственность должна рассматриваться не только как дополнение к уголовной ответственности в борьбе с коррупцией, но и как самостоятельное правовое средство. Высказав данный тезис, считаем необходимым провести обзор тех изменений в гражданском законодательстве, которые были обусловлены принятием Закона о противодействии коррупции и ратификацией Конвенции ООН против коррупции (неоднозначно понимается и по-разному применяется ее ст. 20, посвященная гражданско-правовой конфискации и возможной необходимости введения уголовной ответственности за незаконное обогащение).

Российский законодатель внес только точечные изменения в ГК РФ, дополнив в 2012 г. ст. 235 новым основанием прекращения права собственности («обращение по решению суда в доход Российской Федерации имущества, в отношении которого не представлены в соответствии с законодательством РФ о противодействии коррупции доказательства его приобретения на законные доходы»). Напомним: ст. 13 Закона о противодействии коррупции отсылает к гражданскому законодательству, что порождает правовую неопределенность, так как ст. 235 ГК РФ, в свою очередь, тоже отсылает к законодательству о противодействии коррупции. Кроме того, воля законодателя выражается в том, что необходимо обращаться к Федеральному закону от 03.12.2012 № 230-ФЗ «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам». Статья 17 указанного закона гласит: «Генеральный прокурор РФ или подчиненные ему прокуроры при получении материалов, предусмотренных ч. 3 ст. 16 настоящего Федерального закона, в порядке, установленном законодательством о гражданском судопроизводстве, обращаются в суд с заявлением об обращении в доход Российской Федерации земельных участков, других объектов недвижимости, транспортных средств, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), в отношении которых лицом, замещающим (занимающим) одну из должностей, указанных в п. 1 ч. 1, не представлено сведений подтверждающих их приобретение на законные доходы». Нормы указанной статьи и п. 8 ст. 235 ГК РФ проверялись в порядке конституционного судопроизводства и оставлены в силе. Конституционный суд РФ указал, что соответствующие нормы не препятствуют суду рассматривать любые доказательства, подтверждающие за-

конность средств, затраченных на приобретение имущества, а случае незначительности в расхождении отказать в иске (Постановление Конституционного суда РФ от 29.11.2016 № 26-П по делу о проверке конституционности подп. 8 п. 2 ст. 235 ГК РФ и ст. 17 Федерального закона «О контроле за соответствием расходов лиц, замещающих государственные должности, и иных лиц их доходам» в связи с запросом Верховного суда Республики Башкортостан).

В июне 2017 г. Верховный суд РФ подготовил обзор судебной практики по делам, связанным с реализацией ст. 17 Федерального закона от 03.12.2012 № 320-ФЗ. Анализируя судебную статистику, Верховный суд РФ указал, что с 1 января 2013 г. по 1 января 2017 г. суды РФ окончили производство по 19 делам, из которых по 12 делам (63 %) иски требования прокурора удовлетворены полностью или частично, по 7 делам (37 %) в удовлетворении требований отказано (Обзор судебной практики Верховного суда РФ № 3 (2017)). На первый взгляд, может сложиться впечатление, что в Российской Федерации сформирован институт гражданско-правовой ответственности за коррупционные правонарушения. Однако такой вывод делать преждевременно. Фрагментарное, несистемное изменение действующего гражданского законодательства не соответствует ни мировым практикам, ни задачам борьбы с коррупцией в Российской Федерации.

3. Выводы

1. Следует конкретизировать перечень субъектов, в отношении которых может применяться гражданско-правовая конфискация. Существующие механизмы гражданско-правовой ответственности не позволяют применять гражданско-правовую конфискацию в отношении взяточдателей, которые потенциально могут получить необоснованные преимущества экономического характера. Нужно создавать условия, которые делают невыгодными с экономической точки зрения как факт дачи взятки, так и ее получение. Необходимо изменить ст. 169 ГК РФ (недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности) в части формулирования последствий недействительности. Считаем, что они должны быть сформулированы как императивные.

2. Дополнения, вносившиеся в гражданское законодательство, не носили комплексного характера. В частности, не вносились изменения в ст. 1069 ГК РФ (ответственность за вред, причиненный государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами) и в ст. 1070 ГК РФ (ответственность за вред, причиненный незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия и суда). В них отсутствует конкретизация того, что вред может быть причинен в результате коррупционного деяния, а формулировка «незаконные действия» в условиях отсутствия четкой определенности самого законодательства носит абстрактный характер. Правила возмещения вреда, предусмотренные статьями ГК РФ, не адаптированы под реалии коррупционных преступлений.

3. Российским законодательством не установлена гражданско-правовая ответственность юридических лиц за коррупционные правонарушения. Последствия признания сделки недействительной для юридического лица сложно назвать полноценным институтом гражданско-правовой ответственности юридических лиц.

В целях борьбы с коррупционными правонарушениями необходимо активно использовать институт расторжения договора в одностороннем порядке, для чего нужно предусмотреть возможность такого расторжения по иску контролирующих органов, а также без учета вступления в законную силу приговора суда по уголовному делу. Такой вывод следует из существующей реальности, когда заключение фиктивных договоров по заведомо завышенным или заниженным ценам получило широкое распространение в сферах государственных и муниципальных закупок. Регламентация в законодательстве права в одностороннем порядке расторгать договоры во многом гарантировала бы реализацию публичных интересов и целевое расходование бюджетных средств.

4. Требуется сократить перечень должностных лиц, обладающих иммунитетами от уголовного и административного преследования, а также уменьшить сам объем указанных иммунитетов; присоединиться к Европейской конвенции о гражданско-правовой ответственности за коррупцию и, соответственно, ратифицировать ее; сделать соразмерными характеру и степени общественной опасности уголовные санкции за коммерческий подкуп в частном секторе; предусмотреть реальные, а не формальные механизмы конфискации имущества государственных служащих, которое не соответствует их задекларированным доходам; на уровне национального законодательства обеспечить действие ст. 20 Конвенции ООН против коррупции.

Библиография

- Аннан, Кофи. 2004. «Предисловие». *Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции*. Нью-Йорк: ООН: iii–iv.
- Богущ, Глеб И. 2006. «Конвенция Организации Объединенных наций против коррупции». *Вестник Московского университета. Серия. 11. Право* 3: 21–31.
- Лобач, Дмитрий В., Смирнова, Евгения А. 2016. «Проблемы имплементации международно-правовой нормы о незаконном обогащении в российское законодательство». *Всероссийский криминологический журнал* 10 (4): 801–811. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).801-81.
- Римский, Владимир. 2013. *Зарубежный опыт противодействия коррупции (Доклад Московского бюро по правам человека)*. Дата обращения 11 декабря, 2018. <https://refdb.ru/look/3044700-pall.html>.
- Рупчев, Георги. 2015. *Технический документ: Сравнительно-правовой анализ ответственности юридических лиц (корпоративной ответственности) за преступления коррупционной направленности*. ПРЕКОП-РФ. Дата обращения 11 декабря, 2018. <https://rm.coe.int/16806d8620>.
- Смирнова, Лариса Н. 2014. «Борьба с коррупцией в КНР: международный опыт и “особая китайская модель”». Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Московский государственный университет.
- Argando, Antonio. 2006. “The United Nations Convention Against Corruption and Its Impact on International Companies”. *IESE Business School Working Paper* 656: 272–372.
- Burger, Ethan S., Holland, Mary S. 2006. “Why the Private Sector Is Likely to Lead the Next Stage in the Global Fight against Corruption”. *Fordham International Law Journal* 1: 45–74.
- Gathii, James T. 2009. “Defining the Relationship Between Human Rights and Corruption”. *University of Pennsylvania Journal of International Law* 1: 143–144.
- Hostetler, Courtney. 2011. “Going From Bad To Good: Combating Corporate Corruption on World Bank-Founded Infrastructure Projects”. *Yale Human Rights and Development Journal* 1: 231–232.
- Johnston, Michael. 2010. *Syndromes of Corruption. Wealth, Power, and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Makinwa, Abiola. 2012. *Private remedies for corruption*. Rotterdam: Eleven International Publishing.

- Mariani, Paola. 2013. "How Damages Recovery Actions Can Improve the Fight Against Corruption: The Crisis of Criminal Law Policies and the Role of Private Enforcement in an Italian Case of Judicial Corruption". *Crime, Law and Social Change* 2: 209–226.
- Mauro, Paolo. 1995. "Corruption and Growth". *The Quarterly Journal of Economics* 3: 681–712.
- Mauro, Paolo. 2004. "The Persistence of Corruption and Slow Economic Growth". *International Monetary Fund Staff Papers* 1: 1–18.
- Shleifer, Andrei, Vishny, Robert W. 1993. "Corruption". *The Quarterly Journal of Economics* 3: 599–617.
- Takoff, Cristian. 2009. "The civil law consequences of Corruption- an Introduction". *The civil law consequences of Corruption*, ed. by Olaf Meyer. Baden-Baden: Nomos Publishers: 195–206.
- Wouters, Jan., Ryngaert, Cedric, Cloots, Ann S. 2012. "The Fight Against Corruption in International Law". *Leuven Center for Global Governance Studies Working Paper* 94: 83–82.

Статья поступила в редакцию 30 января 2019 г.;
рекомендована в печать 27 августа 2019 г.

Контактная информация:

Липинский Дмитрий Анатольевич — д-р юрид. наук, проф.; Dmitri8@yandex.ru
Мусаткина Александра Анатольевна — канд. юрид. наук, доцент; Musatkinaaa@mail.ru

Problems of compliance of Russian anti-corruption legislation with international corruption standards*

D. A. Lipinsky, A. A. Musatkina

Togliatti State University,
14, Belorusskaya ul., Togliatti, 445020, Russian Federation

For citation: Lipinsky, Dmitry A., Musatkina, Aleksandra A. 2019. "Problems of compliance of Russian anti-corruption legislation with international corruption standards". *Vestnik of Saint Petersburg University. Law* 4: 673–690. <https://doi.org/10.21638/spbu14.2019.404> (In Russian)

The article analyzes the execution of the United Nations Convention Against Corruption and other international regulatory acts in the Russian Federation. It illustrates both the positive dynamics in Russian legislation that indicates the implementation of international legal norms and non-execution or formal execution requirements of the international anti-corruption standards. International experience in fighting against corruption is analyzed. Special attention is given to the norms fixed in the Council of Europe Convention on Civil Liability for Corruption. International legislative experience in fighting against corruption with the help of civil legal means is also studied. The civil legal confiscation as a measure of responsibility for a corruption-related offence is explored. The article offers a comparison of the Russian civil law norms with those contained in international law and civil legislation of other countries. The authors emphasize that the role of the civil legal means in the prevention of corruption are underestimated as corruption has an integrated and systemic nature. Therefore, it must be fought with by systemic measures that are provided for not only in criminal and administrative law, but also in civil law. The authors prove the non-compliance of the norms related to the civil law of the Russian Federation with current international experience in fighting corruption. The article offers recommendations for improving anti-corruption measures. In order to meet the international standards, Russia needs to shorten the list of public officials who are immune

* The article was written with the support of the Russian Foundation for Basic Research project no. 19-011-00103 A "Legal Responsibility in the Russian Legal System: the Concept of Interaction, Interrelations and Elimination of Contradictions with Other Elements of the Legal System".

from criminal and administrative prosecution as well as to reduce the range of these immunities; to introduce a complete ban on public officials accepting gifts; to join and ratify the Council of Europe Convention on Civil Liability for Corruption; to provide real mechanisms for the confiscation of public officials' property that does not correspond to their declared income.

Keywords: corruption; global law and order; international anti-corruption standards; human rights; financial crisis; corruption crisis; anti-corruption legislation; corruption offences.

References

- Annan, Kofi A. 2004. "Foreword". *Konventsiiia Organizatsii Ob'edinennykh Natsii protiv korrupsii*. New York, OON Publ: iii–iv.
- Argando, Antonio. 2006. "The United Nations Convention Against Corruption and Its Impact on International Companies". *IESE Business School Working Paper* 656: 272–372.
- Bogush, Gleb I. 2006. "The United Nations Convention Against Corruption". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya. 11. Pravo* 3: 21–31. (In Russian)
- Burger, Ethan S., Holland, Mary S. 2006. "Why the Private Sector Is Likely to Lead the Next Stage in the Global Fight against Corruption". *Fordham International Law Journal* 1: 45–74.
- Gathii, James T. 2009. "Defining the Relationship Between Human Rights and Corruption". *University of Pennsylvania Journal of International Law* 1: 143–144.
- Hostetler, Courtney. 2011. "Going from Bad to Good: Combating Corporate Corruption on World Bank-Founded Infrastructure Projects". *Yale Human Rights and Development Journal* 1: 231–232.
- Johnston, Michael. 2010. *Syndromes of Corruption. Wealth, Power, and Democracy*. Cambridge, Cambridge University Press.
- Lobach, Dmitriy V., Smirnova, Evgenia A. 2016. "Issues of implementing the international law norm on illicit enrichment in Russian legislation". *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal* 10 (4): 801–811. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(4).801-811 (In Russian)
- Makinwa, Abiola. 2012. *Private remedies for corruption*. Rotterdam, Eleven International Publ.
- Mariani, Paola. 2013. "How Damages Recovery Actions Can Improve the Fight Against Corruption: The Crisis of Criminal Law Policies and the Role of Private Enforcement in an Italian Case of Judicial Corruption". *Crime, Law and Social Change* 2: 209–226.
- Mauro, Paolo. 1995. "Corruption and Growth". *The Quarterly Journal of Economics* 3: 681–712.
- Mauro, Paolo. 2004. "The Persistence of Corruption and Slow Economic Growth". *International Monetary Fund Staff Papers* 1: 1–18.
- Rimskii, Vladimir. 2013. "International experience in fighting against corruption. Report of the Moscow Bureau for Human Rights". Accessed December 11, 2018. <https://refdb.ru/look/3044700-pall.html>. (In Russian)
- Rupchev, Georgi. 2015. *Technical document: Comparative legal analysis of responsibility of legal persons (corporate responsibility) for corruption-related crimes*. Accessed December 11, 2018. <https://rm.coe.int/16806d8620>. (In Russian)
- Shleifer, Andrei, Vishny, Robert W. 1993. "Corruption". *The Quarterly Journal of Economics* 3: 599–617.
- Smirnova, Larisa N. 2014. "Fight against corruption in Chinese People's Republic: international experience and "Chinese-specific model". Abstract of PhD thesis. Moscow State University. (In Russian)
- Takoff, Cristian. 2009. "The civil law consequences of Corruption- an Introduction". *The civil law consequences of Corruption*, ed. by Olaf Meyer. Baden-Baden, Nomos Publ.: 195–206.
- Wouters, Jan., Ryngaert, Cedric, Cloots, Ann. S. 2012. "The Fight Against Corruption in International Law". *Leuven Center for Global Governance Studies Working Paper* 94: 83–82.

Received: January 30, 2019

Accepted: August 27, 2019

Authors' information:

Dmitry A. Lipinsky — Dr. Sci. in law, professor; Dmitri8@yandex.ru

Aleksandra A. Musatkina — PhD in law, associate professor; Musatkinaaa@mail.ru